

Когда Бай Вэньцзин ушел отдыхать, в комнате остались только Бай Сюань и ее служанка Сюэ Лю.

В умывальном тазу плескалась горячая вода, а на стоявшей рядом вешалке висело несколько чистых полотенец. Бай Сюань смочила полотенце, намереваясь вытереть кровь с рук Бай Лань.

Сюэ Лю торопливо подошла и сказала:

— Госпожа, давайте я.

Бай Сюань подняла голову и улыбнулась ей:

— Ничего страшного, это же моя сестра.

Сюэ Лю не стала больше настаивать и лишь опустила руки, стоя в стороне.

Тот народ Накэ действовал крайне жестоко, ничуть не заботясь о том, что перед ним ребенок. Если бы Бай Лань не увернулась так быстро, этот удар наверняка распорол бы ей живот. От одной мысли об этом Бай Сюань бросало в дрожь — она больше ни за что не осмелилась бы отпустить Бай Лань одну.

Тонкие белые пальцы девочки от потери крови были чуть холодноватыми. Зажатая в ладони, ее рука казалась куском прекрасного нефрита. Бай Сюань тщательно очистила ногти и пространство между пальцами от следов крови, чувствуя себя прямо-таки хлопотливой матушкой.

Впрочем, нынешнее происшествие с Бай Лань трудно было однозначно назвать благом или проклятием. Отношения Бай Вэньцзина к Бай Лань изначально были запутанными и сложными: он одновременно жалел ее и лелеял, но в то же время опасался и относился с недоверием. Теперь же, когда Бай Лань получила столь тяжелые ранения, даже если Бай Вэньцзин все еще захочет отправить ее подальше, сделать это прямо сейчас он уже не сможет.

Каждый день, проведенный в Вилле Превосходящего Меча, давал еще один шанс. Бай Сюань верила в способности Бай Лань. Хотя та была еще мала и не умела скрывать многие эмоции, сможет ли она в будущем вернуть доверие Бай Вэньцзина — это еще бабушка надвое сказала. К тому же сама Бай Сюань прекрасно знала, что у нее заведомо не хватит способностей взвалить на себя столь огромную ответственность, как Вилла Превосходящего Меча, и она не заслуживает доверия крупных и мелких сективенов в мире Цзянху. Она-то это понимала, а Бай Вэньцзин — и подавно. Просто ей сейчас едва исполнилось семь лет, вот Бай Вэньцзин и не хотел расставаться с последней надеждой.

Бай Сюань погрузилась в задумчивость, сжимая руку Бай Лань, и очнулась только тогда, когда Сюэ Лю напомнила ей, что вода остыла. Отложив полотенце, она аккуратно подоткнула одеяло

со стороны Бай Лань.

На столе стояли только что разогретые блюда. Почуввав их аромат, Бай Сюань вдруг ощутила сильный голод и подумала, что искать столько старинных кулинарных рецептов, когда она писала свое произведение, было поистине мудрым решением.

Пока она ела, Сюэ Лю стояла у стола, то и дело подавая ей то одно, то другое. Бай Сюань все никак не могла привыкнуть к подобному обслуживанию и сказала Сюэ Лю:

— Сестрица Сюэ Лю, присаживайся тоже, поешь со мной.

С этими словами она протянула ей пару палочек для еды.

Сюэ Лю знала, что Бай Сюань не придает значения подобным условностям, и они привыкли есть вместе в обычное время, но сейчас они находились не в комнате Бай Сюань, и девушка чувствовала себя немного скованно. Поколебавшись немного, она все же присела.

Сюэ Лю была старше ее и Бай Лань — в этом году ей уже исполнилось тринадцать. Когда Бай Сюань родилась, Сюэ Лю уже находилась рядом. Она была третьим человеком в этом мире — после ее матери Лань Жун и кормилицы, — кто взял ее на руки; даже Бай Вэньцин шел в этом списке следом.

В тот год в родных краях разразился голод, и Сюэ Лю продали торговцу людьми. Лань Жун случайно проходила мимо, сочла девочку несчастной, выкупила ее и привела на виллу. Тогда ее звали иначе, а это имя ей позже дала Бай Сюань: Мотыльки да снежные ивы золотыми нитями шиты, со смехом и звонкой речью растворяются в тайных ароматах.

Изначально второстепенная героиня книги, Бай Хуа, всегда считала Сюэ Лю своей наперсницей. Позднее она даже заставляла Сюэ Лю множество раз травить Бай Лань ядом и тайком чинить ей всяческие препятствия. Сюэ Лю не могла не понимать, что все это неправильно, и даже пыталась отговаривать Бай Хуа, но та вовсе не слушала ее предостережений и лишь решила, что Сюэ Лю ей неверна.

Бай Сюань теперь не собиралась так сильно полагаться на Сюэ Лю и возлагать на нее столь высокие надежды. Во-первых, она была чиста помыслами и не нуждалась в том, чтобы использовать собственную служанку как живой щит для совершения зла. Во-вторых, признаться честно, ее слегка мучила совесть: когда она писала историю, то тайком заложила туда юри-ветку, подразумевающую тайную влюбленность и восхищение Сюэ Лю перед Бай Хуа. Эта глупенькая девчонка не замечала злобы, скрывавшейся за белоцветочной внешностью Бай Хуа, и годами оставалась рядом с ней, питая к ней слепую и необратимую страсть, из-за чего в конце концов и поплатилась горькой судьбой из-за самой же Бай Хуа.

Впрочем, об этом, пожалуй, знала только она сама да Сюэ Лю, ведь в конце концов характер Сюэ Лю был ею безнадежно испорчен. Хорошую девушку она выписала слепой

исполнительницей чужой воли, а в намеках на тайную страсть не было ни грамма чувственности — при взгляде на это убожество на ум приходила лишь слепая преданность.

Не собираешься давать любовь — не соблазняй, не собираешься давать любовь — не соблазняй, — мысленно повторяла про себя Бай Сюань, отодвигаясь от Сюэ Лю еще дальше. Сюэ Лю озадаченно подняла на нее глаза, на что Бай Сюань ответила загадочной улыбкой.

Набив желудок, Бай Сюань вспомнила, что Бай Лань все еще лежит без сознания, и, судя по всему, тоже ничего не ела за весь день. Наворачивать еду за обе щеки в присутствии больного и совсем о нем забыть — поистине бессовестно.

Она торопливо подошла взглянуть на сестру и обнаружила, что та еще не очнулась, но ее брови были крепко сдвинуты, а лоб покрылся холодным потом — видимо, раны причиняли слишком сильную боль. К сожалению, в эту эпоху не существовало мгновенно действующих обезболивающих средств, поэтому Бай Сюань оставалось лишь отереть холодный пот со лба девочки и сесть рядом, чтобы составить ей компанию.

Ночь становилась все глуше, красные свечи мерцали, и налетал пронзительный осенний ветер.

Бай Сюань начала клевать носом и велела Сюэ Лю идти спать на кушетку в во внешней комнате, а сама осталась в комнате Бай Лань.

Сначала она собиралась лечь на кровать вместе с Бай Лань, но та крепко сжимала ее руку и ни за что не хотела отпускать. Бай Сюань не могла пошевелиться, поэтому ей пришлось просто припасть к краю кровати в крайне неудобной позе — и в таком положении она неожиданно заснула.

Когда Бай Лань пришла в себя и открыла глаза, то увидела, что Бай Сюань, держа ее за руку, прикорнула прямо у изголовья кровати. Щека Бай Сюань прижималась к тыльной стороне ее невредимой руки, и теплое дыхание щекотало кожу.

Бай Лань едва заметно шевельнула пальцами и коснулась кончика носа Бай Сюань. Та не проснулась, лишь что-то невнятно пробормотала, потёрлась о ее руку и заснула дальше.

До этого на душе у нее было очень тревожно — то ли от неуверенности в собственных силах, то ли от недоверия к Бай Сюань. Но в этот самый момент она почувствовала: пусть сегодняшний день потребовал стольких невероятных усилий и жертв ради того, чтобы остаться на вилле, она ни о чем не жалеет.